

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Политические события в стране продолжали нарастать. Массы с каждым днем все больше левели и на опыте убеждались в контрреволюционном характере Временного правительства и в предательском характере мелкобуржуазных партий, поддерживавших основную линию этого правительства — продолжение империалистической войны, отказ от разрешения земельного вопроса. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и Советы во многих других городах становились большевистскими. Только Могилевский Совет по-прежнему находился в руках соглашательских партий. Совет не переизбирался. Правда, после превращения могилевской организации РСДРП в большевистско-интернационалистскую в сентябре в исполком Совета были кооптированы члены партийного комитета Залманзон и Лозинский. Однако это почти не отразилось на соотношении сил в Совете, где по-прежнему господствовали правые эсеры, меньшевики и бундовцы.

Об Октябрьском перевороте мы узнали утром 26 октября. В городе, в помещении Совета, шли оживленные споры по поводу происшедших в Петрограде событий. Отношение Совета к Октябрьской революции было резко враждебным. Вечером того же дня губернский комиссар Певзнер созвал совещание общественных и политических организаций города. Совещание было созвано в помещении губернского земства. На совещание явились представители Совета рабочих и солдатских депутатов, почтовотелеграфного союза, общеармейского комитета, Совета крестьянских депутатов, городской управы и представители партий: эсеров, народных социалистов, Бунда, кадетов, Польской рады, Белорусского комитета. От могилевской организации РСДРП большевиков и интернационалистов присутствовали Залманзон, Черницкий и Лозинский. С вступительным словом выступил губернский комиссар Певзнер, который информировал совещание о происшедших в Петрограде событиях, гибельных, по его словам, для судеб России, о том, как реагируют на эти события различные политические и общественные организации, извращая, конечно, действительное положение вещей. Он призывал партийные, политические и общественные организации, явившиеся на совещание, высказать свое отношение к произведенному перевороту и о необходимых

мерах, которые должны предпринять в создавшейся обстановке местные могилевские организации.

После выступления губернского комиссара слово взял представитель комитета большевиков и интернационалистов Залманзон и зачитал от нашего имени заявление примерно следующего содержания: мы, представители могилевской организации РСДРП большевиков и интернационалистов, не считаем возможным оставаться на настоящем совещании совместно с представителями кадетской и других буржуазных партий, на руках которых не обсохла еще кровь, пролитая во время корниловского мятежа, и покидаем настоящее совещание.

Мы поднялись и покинули зал губернского земства. Назавтра узнали, что на этом совещании был создан контрреволюционный «Комитет спасения революции».

На следующий день, 28 октября, состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно проходило очень бурно. Все депутаты Совета, за небольшим исключением, были настроены резко антибольшевистски. Они одобрительно приветствовали речи противников Советского правительства и крайне нетерпимо встречали выступления большевиков Хохлова и Залманзона и интернационалиста Лозинского.

В своем решении Могилевский Совет, как и следовало ожидать, осудил выступление большевиков и высказался за создание «однородного социалистического правительства».

Через два дня после заседания Совета собралась городская дума, которая также решила высказать свое отношение к этим событиям. Состав ее был более реакционным, чем состав Совета. Из 64 депутатов 30 было от буржуазных партий и национальных групп и 33 — от правосоциалистических партий¹. Поэтому и выступления здесь были еще более враждебными по отношению к Октябрьской революции, чем в Совете.

Нечего уже и говорить о позиции, занятой общеармейским комитетом при Ставке, состоявшим из правых эсеров и меньшевиков. Он с самого начала занял резко враждебную позицию к Октябрьскому перевороту и служил прочной опорой контрреволюционной Ставке. Более того, Ставка предпочитала оставаться в тени, выдвигая на передний план общеармейский комитет, который своей революционной фразеологией пытался удержать за собою солдатские массы и рабочих.

Ставка стала центром, куда устремились контрреволюционные вожди эсеров, меньшевиков, Бунда и буржуазных партий. Здесь составлялись планы создания нового правительства. В Могилев приезжали Чернов, Гоц, Авксентьев, Скобелев и другие лидеры эсеров и меньшевиков. При общеармейском комитете состоялось совещание по вопросу о создании правительства во главе с Черно-

¹ Единственным депутатом от большевиков являлся автор этих строк. *Прим. автора.*

вым. В Могилеве предполагался созыв Всероссийского крестьянского съезда. Эти мероприятия Ставки и общеармейского комитета находили поддержку в Совете рабочих и солдатских депутатов, в Совете крестьянских депутатов и в эсеровской организации.

Однако с связи с проведением мероприятий Советского правительства, ростом революционных настроений в стране и армии все эти контрреволюционные затеи лопнули. Боевой пыл общеармейского комитета стал остывать. Члены будущего так и не созданного «правительства» во главе с его председателем Черновым стали покидать Могилев, затем уехали и все остальные главари эсеров и меньшевиков.

В это время Ставка вступила в открытый конфликт с Советским правительством. Когда Ленин вызвал к прямому проводу исполняющего обязанности верховного главнокомандующего Духонина и приказал ему от имени Совета Народных Комиссаров немедленно обратиться ко всем воюющим державам с предложением вступить в переговоры о мире, последний отказался от выполнения этого приказа. Тогда ему было объявлено, что он отстраняется от должности главноверха и на этот пост назначается Крыленко. Ему же предлагалось, впредь до приезда Крыленко, временно продолжать дела. Переговоры о перемирии начались через голову Ставки.

Так как Духонин не подчинился приказу Совета Народных Комиссаров и, опираясь на поддержку общеармейского комитета и Могилевского Совета, продолжал действовать как верховный главнокомандующий, то Крыленко 13 ноября отправил телеграмму Могилевскому Совету рабочих и солдатских депутатов и губернскому Совету крестьянских депутатов, в которой сообщил, что распоряжения Духонина не подлежат исполнению, что общеармейский комитет распускается и назначаются новые выборы. Он просил Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов и губернский Совет крестьянских депутатов принять все меры к отстранению Духонина от должности.

Вечером того же дня собралось объединенное заседание исполнительных комитетов этих организаций. Хотя я и не был членом исполкома Совета, однако присутствовал на нем. В работе заседания принимал участие член комитета большевистско-интернационалистской организации, он же член исполкома Совета, Лозинский.

Из Ставки на заседание прибыли генерал Бонч-Бруевич (брат большевика Бонч-Бруевича) и другие генералы, а также комиссар Временного правительства при Ставке Станкевич. Были там представители и общеармейского комитета. Атмосфера на заседании была накаленной. Отдельные выступления за поддержку предложений Крыленко тонули в хоре многочисленных выступлений правых социал-демократов и правых эсеров, которые резко выступали против предложений Крыленко, за поддержку Ставки и общеармейского комитета.

С речью выступил комиссар Временного правительства правый эсер Станкевич¹. Он призвал не выполнять распоряжений Советского правительства и оказывать поддержку Ставке, так как, по его словам, Ставка — это единственный орган, который представляет Россию в целом и признается всеми. Ставку признают иностранные государства, ее признает армия, ее признают все народы России.

Значительным большинством против нескольких голосов при колеблющейся позиции левых эсеров было принято решение: Советского правительства не признавать; Крыленко как верховного главнокомандующего не признавать и его распоряжения не выполнять; оказывать всемерную поддержку Ставке и общеармейскому комитету.

Однако через несколько дней под влиянием развивающихся событий внутри и вне Могилева, а главное, под влиянием полученного сообщения о том, что на Могилев движется красногвардейский отряд вместе с Крыленко, поведение Могилевского Совета резко изменилось и левые эсеры повели себя более решительно.

Ставка в это время готовилась к борьбе и решила не допустить в Могилев нового главнокомандующего Крыленко. Предполагалось дать бой отрядам Крыленко, опираясь на надежные части, которые находились в Ставке, в частности на ударный полк. Однако, несмотря на свою решимость дать бой советским частям и не допустить в Ставку Крыленко, Ставка и общеармейский комитет чувствовали, что у них почва горит под ногами. Они метались от одного проекта к другому. То готовились к сопротивлению, то выдвинули проект нейтрализации Ставки, сохранив ее как чисто технический орган, наконец, решили эвакуировать Ставку в Киев. Совещание шло за совещанием. Но ничто уже не могло помочь. На Могилев двигались революционные части.

Революционные силы в самом городе в лице большевистско-интернационалистской партийной организации активизировали свою работу среди колеблющихся членов исполкома и среди солдат. Георгиевский батальон был окончательно распропагандирован. На него уже можно было опереться в борьбе со Ставкой. В задачу нашей организации входило помешать выезду Ставки из Могилева и вывозу архивов, добиться до момента прибытия Крыленко и его отрядов в Могилев установления Советской власти в городе. И когда за два дня до вступления в Могилев отрядов Крыленко на машины были погружены все дела Ставки, чтобы переехать в Киев, солдаты Георгиевского батальона задержали машины, все дела из машин выбросили и воспрепятствовали переезду Ставки и бегству Духонина.

На следующий день было срочно созвано объединенное заседание исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов. На нем представитель

¹ Станкевич был народным социалистом. *Ред.*

общееармейского комитета Нехамкин «обосновывал» необходимость допустить немедленный отъезд Духонина из Ставки. Отъезд Духонина, по его словам, облегчит, мол, достижение соглашения с противной стороной, к чему стремится общееармейский комитет. Дальше он взывал к совести и чести членов исполкома, напомнив, что только по решению общееармейского комитета и местного Совета генерал Духонин взял на себя тяжелую ответственность не подчиниться приказу Совета Народных Комиссаров и остался на посту верховного главнокомандующего. Он призывал членов исполкома «не быть предателями» и допустить отъезд Духонина.

Конечно, даже тогда, когда контрреволюционная Ставка была накануне падения, нельзя было сомневаться в решении Могилевского Совета, если бы заседание продолжалось в первоначальном составе. Но тут сплоченный блок левых фракций — большевиков, интернационалистов, левых эсеров и ППС (левица) — занял решительную позицию. Представитель левого блока заявил, что судьбу города Могилева должен решать только Совет рабочих и солдатских депутатов. Представители Совета крестьянских депутатов не должны были принимать участия в решении вопроса, тем более что члены исполкома Совета крестьянских депутатов в то время уже не отражали действительного настроения крестьян. Заявление было сделано в ультимативной форме. В случае его отклонения представители левых фракций уходят с заседания, слагая с себя всякую ответственность за дальнейшие события.

Представители правых фракций исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов заявили, что они не могут согласиться с таким предложением, так как рабочие, солдаты и крестьяне представляют собой одну семью, и решения в особо важных случаях должны приниматься совместно. Ультиматум левых представителей был отклонен. Левые фракции демонстративно вышли из зала. После этого члены исполкома Совета крестьянских депутатов заявили, что ввиду создавшегося положения они не будут принимать участия в заседании, но об этом доложат съехавшимся на губернский съезд представителям уездов и вынесут свое решение.

Тогда левые вернулись, но потребовали, чтобы в зале, во избежание всякого давления на членов исполкома Совета, никого, кроме членов исполкома, не оставалось. Представители общееармейского комитета, военного союза, губернский комиссар Певзнер и другие покинули зал. Ушли с заседания и некоторые члены исполкома — правые эсеры.

Вопрос об отъезде Духонина был решен отрицательно, но решением гарантировалась безопасность Духонину.

Затем исполком перешел к обсуждению вопроса, внесенного левыми представителями, о признании Советской власти и переходе всей власти в Могилеве в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Это предложение вызвало продолжительные прения. Его настойчиво поддерживали представители большевиков и интернационалистов Хохлов, Залманзон, Лозинский, Гоникман.

Это предложение поддерживали также левые эсеры. Шла борьба за колеблющихся членов исполкома. Позиция правых, наиболее ярые из которых покинули заседание, стала слабеть. На позицию левых постепенно стали переходить не только колеблющиеся, но и отдельные представители правых (Яковлев, Брильсон и др.), которые вдруг заявили о себе, что они «левые». Соотношение сил явно изменилось в пользу левых.

Исполком принял решение о признании Советской власти и о переходе всей власти в городе в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. До перевыборов Совета власть сосредоточивалась в Военно-революционном комитете¹. На том же заседании был утвержден и состав бюро Военно-революционного комитета. В него вошли: левый эсер Усанов (председатель), интернационалист Гоникман (секретарь), большевики Хохлов и Зобков, упомянутые выше Яковлев и Брильсон и др.

Решение исполкома, объявленное членам Совета, представителям гарнизона и гражданам, ожидавшим в переполненном зале, было встречено бурными аплодисментами. Могилев стал советским городом. Власть в городе и контроль над Ставкой перешли в руки Военно-революционного комитета.

Это было 18 ноября, за день до вступления в Могилев Крыленко с отрядом матросов и красногвардейцев.

Военно-революционный комитет немедленно взял под домашний арест генерала Духонина и комиссара свергнутого Временного правительства Станкевича. Общеармейский комитет был объявлен распущенным, а его члены — содержащимися под домашним арестом. Для контроля над деятельностью Ставки Военно-революционный комитет назначил своих комиссаров.

В этот же день завершилась эвакуация из города ударных частей Ставки. Ночью стало известно, что из Быховской тюрьмы бежали на юг Корнилов, Деникин, Лукомский и их окружение. Военно-революционный комитет, узнав о бегстве Корнилова и других, тут же принял меры к их задержанию. Но эти меры уже были запоздалыми и остались безрезультатными.

Утром 20 ноября в Могилев вступил отряд Крыленко.

В помещении Военно-революционного комитета ему была устроена торжественная встреча. После этого он поехал в Ставку. Ставка была ликвидирована. Приступили к созданию новой, революционной Ставки. В тот же день на вокзале был убит генерал Духонин. Отчаянные попытки Крыленко спасти его не помогли, так как солдаты и матросы были возмущены известием о бегстве Корнилова. Начальником... штаба Ставки был назначен генерал Бонч-Бруевич. Взамен распущенного общеармейского комитета был создан временный Военно-революционный комитет из пред-

¹ В состав Военно-революционного комитета, образованного на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, вошли все члены исполкома, признавшие Советскую власть, и несколько представителей от армии. *Прим. автора.*

ставителей армий Западного фронта, матросского отряда, приехавшего с Крыленко, Могилевского Совета и представителей Ставки.

На состоявшемся в начале декабря в Могилеве общеармейском съезде вместо временного Военно-революционного комитета при Ставке был избран Центральный комитет действующей армии и флота (ЦЕКОДАРФ). Там же Крыленко был единогласно избран Верховным главнокомандующим.

После создания в Могилеве Военно-революционного комитета стали создаваться в городе советские учреждения. В первые же дни было приступлено к созыву Могилевского Совета нового состава и к выборам нового исполкома. В новом Совете преобладающее влияние имели представители левых партий: большевики, интернационалисты, ППС (левица), левые эсеры. В основном из представителей этих же партий был избран и состав нового исполкома Совета.

В начале декабря мы решили выйти из состава объединенной большевистско-интернационалистской организации и создать самостоятельную большевистскую организацию. В помещении Совета было созвано общее собрание большевиков в количестве около 35 человек. Решение о создании самостоятельной большевистской организации было принято единогласно. На этом же собрании был избран партийный комитет в составе Максимова, Житомирского, Иофина и Черницкого. Пятого члена комитета не могу припомнить. Председателем комитета был избран Максимов, секретарем — Житомирский. Комитет в этом составе действовал в течение трех месяцев, до эвакуации Могилева.

После оформления организации большевиков в нее постепенно вступали интернационалисты.

Одновременно с перевыборами Совета и оформлением в самостоятельную большевистскую организацию мы провели подготовку и созвали губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На нем был избран губернский исполнительный комитет, который приступил к наведению революционного порядка в губернии, к проведению в жизнь декретов Советской власти.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. М., 1958, с. 316—323